

ЕКАТЕРИНА МУРАШОВА

ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ

Екатерина Мурашова

Полоса отчуждения

«Автор»

Мурашова Е. В.

Полоса отчуждения / Е. В. Мурашова — «Автор»,

«Когда папа с мамой развелись, мы разменяли нашу двухкомнатную квартиру на Литовском проспекте. При размене нам с мамой досталась однокомнатная квартира в Купчино, а папе – комната в большой коммуналке на улице Чайковского. Это было справедливо, потому что, во-первых, нас с мамой двое, а во-вторых, у Зинаиды Георгиевны, новой папиной жены, тоже есть хорошая комната... Когда папа с Зинаидой Георгиевной съедутся, они получают вполне приличную квартиру...»

© Мурашова Е. В.

© Автор

Екатерина Мурашова

Полоса отчуждения

Когда папа с мамой развелись, мы разменяли нашу двухкомнатную квартиру на Литовском проспекте. При размене нам с мамой досталась однокомнатная квартира в Купчино, а папе – комната в большой коммуналке на улице Чайковского. Это было справедливо, потому что, во-первых, нас с мамой двое, а во-вторых, у Зинаиды Георгиевны, новой папиной жены, тоже есть хорошая комната... Когда папа с Зинаидой Георгиевной съедутся, они получат вполне приличную квартиру.

А мы съехались с бабушкой, маминой мамой.

Наша новая квартира недалеко от прежней, рядом с Московским вокзалом. Это хорошо, потому что маме недалеко ездить на работу. Да и бабушка, хотя она уже давно на пенсии, иногда устраивается на работу в детскую поликлинику, которая теперь от нас наискосок через квартал. Даже дорогу переходить не надо.

Бабушка всю жизнь проработала детским участковым врачом, а детских врачей всегда не хватает, поэтому ее часто зовут в поликлинику поработать. Она всегда соглашается, но долго там не выдерживает, ругается со всеми и увольняется. Не знаю, как она ругается на работе, но дома она кричит, что самая гуманная в мире профессия выродилась, что детей теперь лечить не умеют, что институты выпускают в лучшем случае невежд, а в худшем – бездушных карьеристов и что ноги ее больше не будет в этом гнезде равнодушия и разврата...

Но каждую весну, когда пригревает солнце и отступает бабушкин радикулит, она «на минутку» заглядывает в ближайшую детскую поликлинику, обнаруживает там кучу недостатков, бросается к начальству ругаться и в результате остается работать. «Я ни сном ни духом, – ворчит дома бабушка, – но они так просили, так просили... У них такой завал с участковыми... А в этом году такая сложная эпидемия...» Мы с мамой улыбаемся и ничего не говорим, потому что возражать бабушке опасно. Любой довод против ее устройства на работу, она воспринимает как сомнение в ее лечебных способностях.

Наверное, бабушка хороший врач. Все мамы знакомые, имеющие детей, звонят к нам советоваться, разговаривают с бабушкой по два часа и говорят, что нам с мамой страшно повезло. Я здорова и редко болею даже насморком, но, несмотря на это, меня с самого раннего детства постоянно обследуют. То мама замечает, что у меня по утрам заплывшие глаза. «Надо проверить почки!» – заявляет бабушка, и я месяц валяюсь в больнице и выдерживаю настолько малоприятные процедуры, что даже вспоминать не хочется. То вдруг бабушка начинает подозревать, что у меня не в порядке печень. И вот где-то по знакомству я глотаю какие-то кишки, выпиваю цистерны тошнотворно-теплой минеральной воды и на полгода лишаюсь любимых соленых огурцов маминой засолки... Так что вы сами понимаете, что я предпочла бы, чтобы бабушка была по профессии инженером, или продавцом, или еще кем-нибудь.

Плохо, что после всех обменов мне пришлось пойти в новую школу. Не то чтобы я очень любила старую, но все-таки за пять лет привыкла. Не столько, конечно, к школе, сколько к ребятам, одноклассникам. Хотя старая школа недалеко и до дома, где живет моя лучшая подруга Инка Колесова, всего три трамвайных остановки, все равно это уже не то. Недавно мы встретились с Инкой, сели на качающуюся скамейку в нашем старом дворе, уже рты раскрыли... А о чем говорить – не знаем. Не о чем. Инка начала было рассказывать всякие сплетни о нашем классе, но мне это уже как-то неинтересно. У них столько всего нового, которое уже без меня произошло, что все остальное тоже получается как бы чужое. Они – отдельно, я – отдельно. А моих новых знакомых Инка не знает... Так что посидели полчаса и разошлись... Жалко.

В общем-то в новой школе у меня все получилось неплохо. И с девчонками мирные отношения, и с учителями. Во втором полугодии меня даже выбрали ответственной за культмассо-

вую работу. Я организовала два культпохода в кино и один – в Зоологический музей. В кино оба раза пришло много народу, правда, одни девчонки, а вот в Зоологический музей – всего шесть человек. Я сначала огорчалась, а потом подумала, что наши ребята, наверное, ко мне еще просто не привыкли. Но наша классная руководительница сказала, что не привыкли они скорее не ко мне, а к музеям.

Так что в школе у меня все нормально. И на переменах я теперь не стою одна у стены, как вначале, а хожу вместе с девчонками по рекреации и обсуждаю, почему Мишка Крымов уж третий день торчит по утрам напротив Милкиного парадного, почему Ленка Макаренко так задается, а физичка Берта Моисеевна уже третий месяц не носит обручальное кольцо... В общем, все как в нашей старой школе, и иногда мне даже кажется, что я никуда не переходила.

Но это днем. А по вечерам мне делать абсолютно нечего. Раньше, сделав уроки, я выходила во двор, заходила за Инкой (или она заходила за мной), и мы шли гулять. Весной вместе с другими девчонками играли в классики или в резиночку, зимой катались с горки, осенью больше сидели на скамейках и сплетничали. Я не знаю, что делают после уроков мои новые знакомые. Знаю только, что Зина Лучко занимается художественной гимнастикой, а Ленка Макаренко играет на пианино. А остальные? Меня никто ни разу не позвал к себе домой, а напрашиваться или звать самой неудобно. Плохо, что у меня день рождения летом. И еще плохо, что я никогда не болею. Я даже думала: не притвориться ли мне больной, но не хочется пугать маму с бабушкой и потом опять где-нибудь обследоваться. Если бы я заболела, может быть, кто-нибудь принес бы мне уроки. Например, моя соседка по парте – Наташа Громова. Мне в общем-то все равно – кто. Мне все девчонки в классе нравятся. Даже Ленка Макаренко, которую все остальные не любят, потому что она «очень много о себе понимает». Но тут я с ними не согласна. Ленка и в самом деле очень умная и красивая девочка. Так что сколько есть, столько и понимает. Все правильно.

А пока я не решила заболеть или позвать кого-нибудь в гости, я гуляю одна. И гулять здесь гораздо интереснее, чем вокруг нашего старого дома. Даже в окно посмотреть – и то здорово. В старой квартире все три окна выходили во двор-колодец, и солнце у нас бывало летом по два с половиной часа в сутки. А зимой и вообще не было. Из окон был виден растрескавшийся асфальт, занавешенные окна дома напротив и два помойных бака – ничего интересного. А в новом доме в окно большой комнаты можно смотреть очень долго. Потому что оно выходит на Московский вокзал. То есть не на сам вокзал, вокзала из окна не видно и поездов тоже.

То, куда выходят наши окна, мама называет «полосой отчуждения». Если смотреть сверху, из окна, то она кажется пестрым лоскутным ковриком, составленным из низких разноцветных крыш. А если спуститься вниз и войти в нее, то она похожа на джунгли и на другую планету одновременно.

Что такое «полоса отчуждения»? Это – целый город, да что там – целая страна. Люди, которые не живут и не работают в ней, обычно даже не знают о ее существовании. Когда ее можно увидеть? А вот вспомните, поезд подъезжает к Московскому вокзалу. Едет медленно-медленно. А что вокруг? Она – «полоса отчуждения»! Покосившиеся сараи, склады, пересекающиеся во всех направлениях рельсы, кучи маслено-рыжих шпал и много-много всего...

Но люди, подъезжая к городу, не смотрят в окно. Они мысленно уже приехали, все в своих городских делах и заботах. И «полоса отчуждения» остается невидимкой.

А когда войдешь в нее, нет ей ни конца ни края. Настоящая заколдованная страна, которая вроде и есть, и нет ее. В «полосе отчуждения» все свое. Свои дома, свои дороги, своя река и мост через нее. Есть свой сад с яблонями и кустами крыжовника и черной смородины. И свои непролазные джунгли, переплетенные чертополохом и репейником в рост человека. А есть уж и совсем странные вещи. Например, огромная гора битых винных бутылок. Когда день солнечный, то вся эта гора сверкает зелеными огнями и похожа на диковинную новогоднюю елку.

Но все это в «полосе» как бы между прочим, как бы совсем не главное. Главное – вагоны, вагоны, вагоны... рельсы, рельсы, рельсы... Некоторые вагоны всегда стоят на одном месте и, кажется, уже намертво приросли к рельсам. Другие уходят по делам, возвращаются и снова уходят. Первые вагоны страшно завидуют вторым. Я их понимаю и очень жалею. Когда вокруг тебя постоянно кто-то куда-то уезжает, а ты привязан к одному месту, можно даже заболеть с тоски. И вагоны болеют. Ржавеют, лупятся краской, скрипят от ветра...

Иногда в вагонах живут люди. Они бывают разные. Одних приводят проводники в форменных тужурках. Вечером иногда видно, как эти люди пьют чай при свечах или даже поют песни, сидя на застеленных клетчатými одеялами койках. Другие пробираются поздно вечером, поодиночке, и занимают самые старые холодные вагоны с гладкими деревянными полками, выкрашенными мутно-коричневой краской. Я не знаю, кто эти люди. Иногда мне хочется подойти к ним и познакомиться, но я стесняюсь и немного боюсь. Но они мне нравятся. Они как бы часть «полосы», продолжение ее необычности. Без них в «полосе» было бы чуть-чуть скучнее.

Дома я никогда не рассказываю про этих людей, да и про саму «полосу» тоже, потому что думаю так: если мама и бабушка узнают про все, что я вижу в «полосе», то они, наверное, запретят мне гулять там. А куда я тогда пойду? С кем?

В «полосе» здорово играть. Но не в резиночку или классики. В ней хорошо играть в «представления». Можно представить себя абсолютно кем угодно и где угодно. В «полосе» всегда найдется подходящий утолок.

Иногда, когда я ничего не представляю и гуляю в «полосе» сама по себе, мне страшно хочется куда-нибудь уехать. Мимо плывут огромные электровозы и тащат куда-то вереницы вагонов. Из-за белых занавесок рассеянно смотрят люди. Я их вижу, а они меня – нет. Все они едут куда-то далеко, в другие края, и думают о чем-то своем. Странно: мне трудно поверить в то, что эти спокойные, даже какие-то замедленные люди за окнами – те же самые, которые только что на вокзале так истошно кричали, бежали куда-то, суетились, тащили узлы и ящики. Как странно они меняются... Интересно, какой стала бы я, если бы так же, как и они, села в поезд и поехала куда-нибудь далеко-далеко?

В «полосе» я уже три раза каталась на поездах. Два раза совсем по чуть-чуть, проехала минуточку на подножке и соскочила, а один раз уехала так далеко, что потом почти три часа шла обратно по рельсам, чтобы не заблудиться. Я вовсе не хотела так далеко заезжать, просто поезд вдруг пошел очень быстро и я боялась спрыгнуть.

Дома мне тогда здорово попало за то, что поздно вернулась, хотя я, конечно, ничего не рассказывала о своем приключении и соврала, что заигралась в соседнем дворе в резиночку. Но я совсем не жалею, что уехала, потому что когда стоишь на площадке, тебя обдувает ветерок и впереди неизвестно что – это так страшно и так здорово, что дух захватывает. И еще, когда я в тот раз искала какой-нибудь состав, чтобы доехать на нем до дома, то вдруг в одном из вагонов увидела приоткрытую дверь, и из нее в щелку шел такой живой-живой запах, и что-то там шевелилось и хрумкало. Я повисла на ручке и даже чуть-чуть покачалась на ней. Дверь еще немного отъехала в сторону, и оттуда показалась настоящая лошадиная голова с черной челкой и лиловыми глазами. Я влезла на подножку, заглянула внутрь и увидела, что весь вагон заполнен разноцветными конями. Такими красивыми и живыми, что прямо умереть можно.

Лошадь, которая была ближе всех ко мне, фыркала, дышала мне в шею и трогала меня теплыми, щекотными губами. Я вспомнила, что у меня в кармане лежит кусок булочки из школьного буфета, и предложила ей. Она осторожно взяла его с моей ладони, а все остальные лошади зафыркали и стали тянуть ко мне головы. Тогда я спрыгнула с подножки и стала рвать растущую между путями жухлую осеннюю траву, одуванчики, клевер, подорожник и что там еще было и все это кидать внутрь вагона. Потом осмелела, с охапками травы пролезала под доски, сдерживающие лошадей, и ходила между ними. Лошади хрустели травой, трогали меня

головами, прислонялись теплыми боками. Я даже подумала, не остаться ли мне с ними жить, но потом вспомнила, что мама с бабушкой будут волноваться, если я не вернусь домой до темноты, а до дома еще так далеко... Я попрощалась с конями, они кивали мне и постукивали копытами... И всю ночь мне снился их живой и теплый запах, смешанный с запахом мазута и осенних одуванчиков...

* * *

Обычно я выхожу гулять сразу после школы, а часам к шести возвращаюсь домой и делаю что-нибудь из уроков. «Что-нибудь» – потому что еще в четвертом классе я поняла, что сделать все уроки совершенно невозможно. Странно, как этого не понимают учителя. А может быть, и понимают, но просто «делают вид», что не понимают? Мы притворяемся перед ними, что готовим все уроки, а они перед нами – как будто думают, что это возможно и даже необходимо. Забавно, правда?

В тот день нам было задано сочинение, и я решила сначала написать черновик, а потом уже идти гулять. Писать сочинения я в общем-то люблю. Особенно любила в старой школе и всегда получала за них пятерки. В новой школе у меня по литературе твердая четверка. Не потому, конечно, что я поглупела или стала писать с ошибками, просто здесь другая учительница и я никак не хочу к ней приспособиться. «Приспособиться» – это так говорит моя мама. Когда я переходила в другую школу, она сказала, что мне придется приспособливаться не только к одноклассникам, но и к учителям. Я сказала, что насчет одноклассников я все понимаю, потому что у них свои порядки, свои дружбы и так далее, а вот что касается учителей, то я, кажется, не разведчик в тылу врага, чтобы мне к ним приспособливаться. Что знаю, то знаю, как училась, так и буду учиться. Мама на это возразила, что у меня юношеский максимализм и понимать надо, что все люди разные. Я ответила, что я это очень даже понимаю, но теорема Пифагора все-таки всегда теорема Пифагора, и я, честно говоря, не вижу, как ее можно приспособить к тому, что все люди разные. После этого мама махнула рукой и сказала, что со мной невозможно разговаривать.

В новой школе у меня получились вполне хорошие отношения со всеми учителями (впрочем, и в старой тоже так было), и с литераторшей Надеждой Максимовной тоже, только вот «приспособиться» к ней у меня никак не получается.

На уроках она постоянно, как припев в песне, повторяет: «Я хочу, чтобы вы думали головой; я хочу, чтобы вы думали головой», – как будто думать можно чем-нибудь еще. Но это не важно. Важно то, что когда она задает какой-нибудь вопрос, у нее уже есть на него готовый ответ, и она ждет, когда кто-нибудь этот ответ скажет. Если кто-нибудь поднимает руку, но говорит не то, что она ждет, Надежда Максимовна рассеянно кивает и бормочет: «Ну да, ну да... Ты так думаешь?.. Ну да, ну да... Кто еще хочет ответить?» А когда наконец прозвучит тот самый, верный, по ее мнению, ответ, она прямо-таки расцветает и радостно возглашает: «Ну вот, видишь, подумал и ответил. Все слышали? Запомните накрепко и не ленитесь думать головой. Молодец, садись». – И тут же ставит угадавшему пятерку в журнал. Всем остальным отвечавшим она ставит четверки. В общем-то угадать, что именно она ждет, нетрудно. Надо только внимательно прочитать параграф в учебнике, ну и некоторое время понаблюдать за Надеждой Максимовной. Я могла бы угадывать, но мне почему-то не хочется. В общем-то между четверкой и пятеркой не такая уж большая разница. Как-то я рассказала про все это маме, она улыбнулась и спросила:

– А если бы ваша Надежда Максимовна за несовпадение ставила не четверки, а двойки, тогда что бы ты делала?

Я подумала и честно ответила:

– Тогда бы, наверное, угадывала.

Тут мама рассмеялась и сказала, что я никогда не умру на баррикадах, а бабушка из своего кресла добавила почему-то очень сердито:

– Надеюсь, что жизнь не предоставит ей такой возможности.

В старой школе учительница литературы Валентина Дмитриевна никогда не призывала нас думать. Но как-то само собой получалось, что на уроках мы спорили и даже ругались, отстаивая свое мнение, а она только сидела слушала и изредка говорила несколько слов своим тихим голосом. В конце урока Валентина Дмитриевна объясняла, что все мы по-своему правы и в том-то и состоит прелесть литературы, что она позволяет посмотреть на жизнь с разных точек зрения.

Интересно, что в моем теперешнем классе все совершенно уверены, что в литературе, так же, как в математике или в географии, на каждый вопрос есть лишь один правильный ответ, и этот ответ написан в учебнике или спрятан в голове у Надежды Максимовны. Только Ира Смирнова, мне кажется, думает иначе. Но она читает на всех уроках, и на всех переменах, и даже по дороге домой, так что говорить ей, получается, совершенно некогда. За год я слышала ее голос всего несколько раз. По литературе у нее тоже твердая четверка.

Черновик я написала, как мне показалось, довольно быстро, но когда я посмотрела на часы, оказалось, что уже почти семь. Осторожно, чтобы не привлекать внимания бабушки, я накинула куртку, влезла в старые туфли (в «полосе» всегда грязно) и выскользнула за дверь.

Вечернее солнце сияло, и вся «полоса» была полосатой от теней. Тени были длинные и разноцветные. Встречались густо-синие, черные, фиолетовые, жутко-багровые, коричневые. Туалет, выстроенный из непрозрачных стеклянных кирпичей, отбрасывал тень совсем уж странную, переливающуюся всеми красками.

Мне захотелось посмотреть, какую тень отбрасывает бутылочная гора, и я отправилась к ней. Обычно я ходила туда через «парк», в котором под тенью старых лип буйно разрослись кусты черной смородины, но в сумерках он показался мне неприятно темным, и я решила идти другой дорогой – вдоль путей, мимо длинных, полуразвалившихся складов-сараяв.

Сквозь щели в стенах сараяв, наискосок, через углы пробивались лучи заходящего солнца, и поэтому тени от них тоже были не сплошными, а полосатыми. Вдруг одна тень на моих глазах раздвоилась.

Я остановилась и взглядела в эту раздвоившуюся тень. Одна тень была настоящая, а другая оказалась мальчишкой, худым и черным. Он смотрел на меня черными глазами, и карманы его грязной куртки оттопыривались. Наверное, он прятал там кулаки. По виду мальчишка был мой ровесник и ростом приблизительно с меня, только очень худой и щуплый. Вообще-то мне трудно знакомиться с незнакомыми людьми, но тут мы стояли напротив, разглядывали друг друга, и не заговорить было бы прямо неудобно. Когда я об этом подумала, то совсем уж было собралась заговорить, но мальчишка опередил меня.

– Ты чего здесь делаешь? Вали отсюда! – хриплым, каким-то непохожим на него голосом сказал он.

– Чего это я буду валить? – удивилась я.

– Вали, я сказал! – прямо-таки завизжал мальчишка. – А то сейчас как врежу, жива не будешь! – И он вытащил из карманов сжатые коричневые кулаки.

Я не испугалась, хотя и знала уже, что любой мальчишка такого роста сильнее меня. Но этот был такой тощий и узкий, что я, наверное, справилась бы с ним, если бы дело дошло до драки.

– Что ж – врежь! Авось полегчает, – сказала я и посмотрела ему прямо в глаза.

Это был верный прием. Все мальчишки в старой школе от него скисали. Ну как, в самом деле, ударить человека, который сам тебе это предлагает, да еще и не защищается! Но это был какой-то странный мальчишка. Он толкнул меня в плечо и несильно стукнул по шее.

– Убирайся отсюда, с-сука! – зашипел он.

Я улыбнулась. Он был похож на нашу кошку Муську, если ее долго дразнить и не давать вцепиться. Потом к ней еще часа два нельзя притронуться – она сразу подпрыгивает, оцетивается и шипит.

– Послушай, – сказала я как могла спокойнее. – А чего ты так нервничаешь? Это место ни твое, ни мое. Я тебе не могу запретить играть здесь, но и ты мне не можешь. Мы с тобой можем, конечно, подраться. Но только это непорядочно – с девчонкой драться. Я здесь всегда гуляю, а живу вон в том доме. Если ты хочешь, мы можем с тобой вместе во что-нибудь поиграть, а если не хочешь, так и не надо. Я хожу, где хочу, ты ходишь, где хочешь, – чего делить-то?

– Вали отсюда! – упрямо повторил мальчишка, но я поняла, что драться он уже не будет.

– Послушай, а чего ты на меня злишься? – спросила я. – Что лично я тебе плохого сделала?

Мальчишка ничего не ответил и уже не смотрел на меня исподлобья, а оглядывался по сторонам – кажется, собирался удрать. Вдруг одна из досок в стене сарая отодвинулась, и в образовавшуюся щель протиснулся еще один мальчик, помладше первого и очень странный.

– Васька, ты скоро придешь? Я жду, жду... – тихо сказал он и застыл на месте, увидев меня.

Если первый мальчишка, Васька, был только немного слишком худой и грязный, но в общем-то обыкновенный, то второй мальчик поразил меня с первого взгляда. На вид ему было лет шесть, одет он был в какое-то странное стеганое пальтишко, подпоясанное широким армейским ремнем. Присмотревшись, я поняла, что его пальто – это просто ушитый ватник с обрезанными рукавами. У мальчика была огромная голова, широкий; словно сплюснутый сверху нос и огромная копна черных, жестких даже на вид волос, торчавших в разные стороны.

Васька, увидев мальчика, вздрогнул, внимательно и как-то по-настоящему угрожающе посмотрел на меня и сказал:

– Я те сколько раз говорил, отродье проклятое, не вылазь! Вечно беду наведешь. Чтоб ты слдох, неслух проклятый! – Слова были злые, но голос не злой, а какой-то безнадежно усталый.

Мне вдруг почему-то сделалось жаль Ваську. И маленького мальчика тоже. Я присела на корточки и, как трусливого щенка, поманила его пальцем:

– Иди сюда, чего ты меня испугался, я тебе ничего плохого не сделаю. Иди, поиграем.

Мальчик склонил набок растрепанную голову и неуверенно шагнул вперед.

– Назад, стервец! – заорал Васька. – А ты... ты! Я повторять не буду!

– Не ори! – строго сказала я, стараясь говорить таким голосом, каким бабушка успокаивает самых капризных своих пациентов. – Объясни по-человечески, чем я тебе мешаю. Чего ты боишься?

– Заложить кому... убью... стерва! – резко выдыхая каждое слово, сказал Васька.

– Во-первых, перестань ругаться. Мне это не нравится. А во-вторых, подумай сам: кому и, главное, зачем мне тебя закладывать?

– Заложить – убью, – повторил Васька. – Вали отсюда.

– Да что ты заладил: вали, вали! – с досадой передразнила я. – Свалю сейчас, успокойся. Скажи лучше: вы давно сюда ходите? Почему я вас раньше никогда не видела?

– Ха! Увидишь нас! – усмехнулся Васька.

Мне показалось, что после того, как я сказала, что сейчас свалю, он и вправду успокоился.

– А вы чего, прячетесь, что ли? – спросила я. – А во что вы играете?

– Мы не играем, мы живем тут, – вдруг серьезно сказал маленький мальчик.

Я клацнула челюстью от удивления.

– То есть как живете?! – Тут я увидела, что Васька сейчас снова завизжит, и вскинула вверх руку. – Успокойся! Я никому не скажу. Хочешь, поклянись чем хочешь? Мне от вас ничего не надо...

– Нам от тебя тоже. Вали отсюда, – сказал Васька и вдруг улыбнулся.

Я улыбнулась ему в ответ и спросила:

– А давно вы тут... живете?

– С осени еще, – гордо ответил Васька.

– А едите чего?

– Ха! – Васька глянул на меня снисходительно, как на маленького ребенка. – Чтоб на вокзале да не прокормиться!

– Ты – Васька, а его как зовут? – Я кивнула на маленького мальчика.

– Жекой, – ответил Васька.

– А меня – Ольга.

– Ну и черт с тобой, – ответил Васька.

– Вали отсюда? – спросила я и засмеялась.

Васька засмеялся тоже, и даже маленький Жека, до сих пор испуганно глядевший на меня, робко улыбнулся. Зубы у него были гнилые и как-то странно неровные, наклоненные в разные стороны.

Я подумала, что теперь мне можно спрашивать все, что угодно, кроме одного, возможно, самого главного: зачем, почему они тут живут? Это, я чувствовала, спрашивать было еще рано.

– А как же зимой? Холодно! – спросила я.

– Ха! Костры жгли, в самые холода под котельной жили – ничего.

Я старалась задавать самые нейтральные вопросы. Мысли скакали как сумасшедшие. Я еле успевала ловить их на кончике языка и бегло осматривать: не обидится ли Васька? Ваське, я видела, нравится мое удивление. Он отвечал все более охотно, хотя и по-прежнему коротко.

– А сколько лет Жеке?

– Семь, восьмой.

– На вид меньше... Погоди... – Я вдруг поразила внезапно пришедшей мне в голову мысли. – А как же вы в школу ходите?

– А мы и вовсе не ходим, – усмехнулся Васька.

– То есть как?

– А запросто! – Васька явно наслаждался произведенным впечатлением.

У меня в голове все совсем перемешалось.

– Что, крыша поехала? – сочувственно спросил Васька. – Я ж тебе говорил: вали отсюда, не суйся...

– Подожди, Васька, – попросила я. – Дай сосредоточиться.

– Сосредоточься на здоровье, кто б тебе мешал, – разрешил Васька. – А я пока костерок справлю, чаек скипятить. А то скоро совсем стемнеет, растопку не отыскать будет.

– Вась, а поесть будет чего? – спросил Жека.

– На, пожуй пока.

Васька вынул из кармана горбушку и протянул мальчику. Мне казалось, что я смотрю какой-то знакомый фильм и случайно попала на экран. Васька достал откуда-то нож и щепал дощечку от ящика. Я вдруг заметила, что уже совсем темно.

– Знаешь, Васька, мне домой пора, – сказала я таким голосом, словно извинялась за что-то. – Я пойду?

– Вали, вали, – равнодушно согласился Васька.

– Можно, я еще приду? – спросила я и тут же удивилась, заметив, что почему-то спрашиваю у Васьки разрешения, хотя только что доказывала ему, что это место принадлежит всем одинаково.

– Приходи, – не оборачиваясь, сказал Васька и добавил так же равнодушно: – Заложись – убью.

* * *

Ночью я долго не могла уснуть и все думала, думала, думала...

Думала, конечно, о Ваське и о Жеке, как они там живут. Странно все это. С одной стороны, конечно, здорово – сам себе хозяин, делаешь что хочешь. Хочешь – гуляешь, хочешь – спать ложишься. Я и сама иногда мечтала – вот уйду из дому, буду жить одна, никто ко мне приставать не будет. Представляла себе, как все это будет, даже сухари одно время копила. Но с другой стороны... что-то в этом не так. Ладно – Васька, он уже большой, мог сбежать из дому, спрятаться. Но Жека? Он-то откуда взялся? Ведь он еще маленький. И кто ему Васька? Брат? Может быть, хотя они и не похожи... Васька сказал, что в «полосе» они с осени. А где были до того? И школа... учились ли они когда-нибудь? А разве у нас бывает, чтобы кто-нибудь не учился? Нет, не бывает. Тогда как же? И почему их никто не ищет? А может быть, ищут? Наверное. Ведь не случайно Васька так испугался...

Я вспомнила про детей подземелья из книги Короленко. Все в общем-то похоже, но у тех все-таки был отец, а Васька с Жекой, судя по всему, живут совсем одни. Хотя почему я знаю, что там нет кого-нибудь еще... Странно все это...

Мысли у меня путались и расплывались, я чувствовала, что засыпаю, так и не успев ни до чего додуматься. Кто они? Как и почему оказались в «полосе»? Что будет с ними дальше? Первые два вопроса никак не зависели от меня, потому что опирались на то, что было раньше, что уже произошло. А третий вопрос... Я знала, что не смогу уже жить так, как будто никогда не видела Жеки и Васьки, не смогу попросту забыть все. Ответ на третий вопрос немножко зависел и от меня. Так я себя понимала.

* * *

На следующий день, собираясь гулять, я зашла в кухню, заглянула во все кастрюли и, подумав, завернула в лист кальки три котлеты и три толстых ломтя от батона. Все это я засунула в карман и боком, стараясь не попадаться на глаза бабушке, вышла из квартиры.

Стена сарая казалась сплошной, и я не могла вспомнить, из-за какой доски вчера появился Жека.

– Эй, Васька! Жека! Где вы? – негромко позвала я и постучала кулаком по шершавой и влажной стене.

За стеной послышался осторожный шорох, потом скрип отодвигаемой доски, и справа от меня из стены высунулась лохматая Жекина голова, казавшаяся гораздо больше щели, в которую пролезла.

– А Васьки нет, – тихо сказал Жека.

– Я подожду. Выходи сюда. Ты меня помнишь? Я – Ольга, вчера приходила.

– Ага. Помню.

Жека кивнул и вылез весь, целиком. Я еще раз поразилась тому, какая огромная у него голова и какое маленькое все остальное.

– Хочешь есть? – спросила я.

Жека ничего не ответил.

Тогда я развернула кальку, положила котлету на ломоть хлеба и протянула ему. Он поколебался, потом осторожно взял бутерброд и еще некоторое время рассматривал его со всех сторон. Наконец решился и, широко распахнув рот, откусил сразу половину. Вторую половину ему доест не пришлось, потому что непонятно откуда возникший Васька резко и молча ударил его по руке, так, что котлета полетела в одну сторону, а хлеб – в другую.

– Говорил тебе, отродье проклятое! Убью, если будешь подачки брать! – зашипел Васька.

Жека присел и быстро дожевывал попавшую в рот половину бутерброда.

– А тебе чего здесь надо? Чего ты к нам привязалась?! Убирайся отсюда! Пока жива, слышишь?!

– Успокойся, – тихо и ровно сказала я. – Я вовсе не хотела обидеть ни тебя, ни Жеку. И никакая это не подачка. Вот, видишь. – Я развернула кальку. – Я взяла каждому по бутерброду. Себе, тебе и Жеке. Я и раньше брала еду, когда шла гулять. Сейчас я шла к вам. И было бы странно, если бы я взяла бутерброд только для себя... Тебе теперь достанется только половина бутерброда, потому что если ты псих, то никто в этом не виноват, и Жека тоже... На, маленький, возьми!

Я разломала второй бутерброд пополам и половину протянула Жеке. Рука у меня чуть-чуть дрожала, и вообще я чувствовала себя так, как, наверное, чувствует себя дрессировщик, когда входит в клетку со львами. Жека испуганно глянул на Ваську. Я сделала вид, что вовсе не гляжу на него, но все-таки краем глаза отмечала, что он делает. Закричит или не крикнет?

– Нужны мне твои бутерброды, – пробурчал Васька и сел на перевернутый ящик.

Я облегченно вздохнула.

Жека осторожно протянул руку и, не спуская глаз с Васьки, принялся жевать бутерброд. Дожевывая, он оглянулся по сторонам и, найдя взглядом недоеденную котлету, сказал:

– Вась! Чего ей пропадать? Давай Тарасу отдадим, а?

– А и где он, Тарас твой? – проворчал Васька.

– Тут где-то. Я его чую, – уверенно сказал Жека и позвал, зачем-то хлопая при этом в ладоши. – Та-рас! Та-рас!

– Ага! Пришел! – сказал Васька и поднял с земли злополучную котлету.

Я взглянула на то место, которое еще за секунду до этого было пустым, и вздрогнула – опустив морду к земле, там стояла огромная всклокоченная дворняга. В ее густой шерсти застряло множество репьев, а белые подпалины казались серыми от грязи. С огромных клыков и багрового языка капала слюна. На нас дворняга, казалось, не обращала никакого внимания. Жека взял у Васьки котлету и бесстрашно направился к собаке.

– Вась! – вскрикнула я. – А она его не...

– Заткнись! – резко оборвал меня Васька.

Жека подошел к дворняге вплотную, выдернул из ее шерсти пару репьев и буквально вложил котлету ей в пасть. Пасть клацнула, и по горлу пса прокатился почти незаметный комок.

– Тарас хороший! – серьезно сказал Жека.

Так и не глянув в нашу сторону, не вильнув хвостом, пес отвернулся и неторопливо потрусил прочь.

– Серьезный! – с уважением сказал Васька, глядя ему вслед.

– Что это за чудовище? – спросила я.

– Тарас – здешний пес. Их здесь много. Он – вожак, – объяснил Васька. – Кормятся при вокзале. Наши, можно сказать, конкуренты.

– А почему – Тарас?

– Это его Жека так назвал. Он челюстями так щелкает. Зевает, что ли. Сначала так длинно – та-а... а потом захлопывает – рац! Вместе получается – Та-рас.

– Похоже, – согласилась я. – Молодец Жека. Хочешь котлету, Васька?

– Сама жри, – отрезал Васька и, отвернувшись, приказал Жеке: – Тащи растопку. И котелок прихвати.

Жека скрылся в щели. Я стояла и не знала, что мне теперь делать. Обидеться и уйти? Остаться? Сделать вид, что все идет как надо?

– А то подожди до чая, – не глядя на меня, сказал Васька. – Чего всухомятку трескать? С пойлом лучше идет... и не стой как столб. Притащи лучше вон тот ящик...

* * *

Через несколько дней Васька и Жека уже немного привыкли ко мне. Я приходила каждый вечер и всегда заставляла только одного Жеку. Васька появлялся позже и всегда приносил какую-нибудь еду. Куда он ходил, что делал и где брал еду, я не знала. Спрашивать об этом было совершенно бесполезно. На все мои вопросы у Васьки был один-единственный ответ: «Не лезь не в свое дело!» Жеке он, по-видимому, тоже запретил разговаривать со мной на подобные темы. Может быть, даже припугнул его. Потому что, если я задавала Жеке какой-нибудь «запрещенный» вопрос, он быстро прижимал палец к губам и испуганно оглядывался по сторонам.

Но в целом Васька стал относиться ко мне гораздо спокойнее, кричал редко и уже без всяких истерик ел то, что я приносила из дома. Но при этом тщательно следил за тем, чтобы и я съела что-нибудь из принесенного им. Когда однажды я попробовала отказаться, Васька побагровел, закашлялся, вскочил, опрокинув ящик, на котором сидел, и заорал:

– Брезгуешь нашим, да?! Ну так и вали, вали отсюда, вали к своим, чистым!!

Я съела злополучный кусок и насилу успокоила Ваську. Вообще, только познакомившись с Васькой, я поняла, что это значит, когда говорят: «Живу как на вулкане». Васька и был вулкан, каждую минуту готовый извергнуться. А Жека, наоборот, был тихий. Даже какой-то слишком тихий. Никогда не баловался, не шалил, не капризничал. Васька, когда злился, обзывал его дебилом, сучьим выродком и еврейским отродьем, но Жека, кажется, на него совсем не обижался. И я это понимала, потому что на самом деле Васька очень здорово о Жеке заботился и даже, наверное, как-то по-своему любил его. И еще я заметила, что каждый вечер Васька дает Жеке какое-то лекарство. Две такие желтенькие таблеточки из коричневой бутылочки. Когда я спросила, зачем это, то в ответ, конечно, услышала обычное: «Не лезь!» Даже название лекарства Васька не дал посмотреть. И я все никак не могла понять – что же их связывает?

Ни дома, ни в школе я никому не рассказывала о своих новых знакомых. С одной стороны, конечно, потому, что Васька мне запретил. Но была еще и другая сторона. Дело в том, что обычно я всегда знаю, как отнесутся к тому, что я рассказываю. Ну вот, пришла я из школы и говорю: получила пятерку. Мама с бабушкой, конечно, радуются. Или, наоборот, вернулась с гулянья в порванном платье. Тут меня, понятно, ругают. А вот про Ваську с Жекой я и сама не знала – хорошо это или плохо. С одной стороны, вроде бы ничего плохого – с кем хочу, с тем и играю. Но с другой стороны, Васька с Жекой не похожи ни на кого из тех, кого я знала раньше, про кого по телевизору смотрела или в книжках читала. Вот только на детей подземелья... Так это ж когда было! До революции еще.

В общем, запуталась я в этих сторонах так, как, кажется, никогда раньше не путалась.

* * *

Однажды вечером, застав, как всегда, одного Жеку, я сунула ему конфету и решила попробовать выследить Ваську. Если не что делает, то хотя бы откуда приходит. Я обошла сараи, прачечную, заглянула на склады под номерами два, три и четыре, которые охраняли вечно пьяный сторож дядя Петя и огромная добродушная овчарка по кличке Пирамида. Васьки нигде не было. Тогда я отправилась на вокзал.

На вокзале все было как всегда, то есть сразу возникало такое ощущение, что все люди, сколько их ни есть в городе, очень торопятся куда-то уехать. Я обошла все буфеты, потому что там можно было достать еду, но Васьки ни у одного из них не заметила. Я уже решила выйти на задний двор и идти назад, когда в зал ожидания вдруг влетел Васька с каким-то свертком.

– Васька! – радостно крикнула я и замахала рукой, чтобы он меня заметил.

Он подскочил ко мне, глянул бешеными глазами, сунул мне в руки какой-то сверток, шепнул:

– Выбрось куда! Скорее! – и побежал ко второму выходу.

Я еще не успела ничего сообразить, когда в зал ожидания вкатилась какая-то очень толстая тетка, а за ней вошел милиционер.

– Вон, вон – туда он побежал! Я видела! – верещала тетка и пыталась схватить милиционера за руку.

Тот уворачивался, но все ускорял шаги и наконец почти побежал. Я отвернула край бумажки у свертка, увидела жареную курицу и все поняла.

– Не беспокойтесь, гражданка, – сказал милиционер тетке. – Никуда он не денется.

Тетка, влажная и распаренная, как после бани, прокатилась мимо меня. Я шагнула вперед.

– Товарищ милиционер! – громко сказала я. – Вот она, курица. Это я ее украла.

Все люди, сидящие на скамейках, уставились на меня. Те, которые сидели подальше, встали, чтобы лучше видеть. Тетка очень удивилась. Она переводила взгляд с меня на курицу, с курицы на меня, потом достала из-за пазухи огромный клетчатый платок, вытерла им вспотевший лоб и сказала:

– Моя курица!

– Возьмите, пожалуйста! – вежливо сказала я, но тетка спрятала руки за спину.

– Постойте! – тут удивился милиционер. – Но вы говорили: мальчик! Худой, черный! А это же девочка! Светленькая!

– Да, мальчик! – повторила тетка. – А это – девочка... Но курица моя! Она же сама призналась...

– Кто, курица? – усмехнулся милиционер.

– Да девчонка же! – Тетка жутко покраснела. Мне показалось, что она сейчас взорвется. – Вы что, мне не верите?! Вы думаете, мне за курицу обидно?! Да плевала я на курицу! – В подтверждение своих слов она плюнула на пол. – Мне за вообще обидно. Какие-то тут цыгане будут людей обворовывать. А милиция тогда на что? На что, я вас спрашиваю, милиция?! – С последним вопросом она обратилась уже ко всем окружающим.

– Разберемся! – строго сказал милиционер. – Пройдемте!

– Куда это я пойду? – снова возмутилась тетка. – У меня поезд через полчаса. Сами и разбирайтесь. Вам за это, никак, деньги платят.

– Ладно, – вздохнул милиционер и взял меня за локоть. – Пойдем. Курицу забираем как вещественное доказательство.

– Да чтоб она провалилась, курица ета! – с сердцем сказала тетка и снова полезла за платком.

Большая и холодная комната вокзальной милиции была выкрашена в грязно-зеленый цвет. По стенам стояли две длинные и широкие скамьи, а у окна два стола. Один поменьше, другой побольше. За большим столом сидел другой милиционер, постарше того, который меня привел. Когда мы пришли, он почему-то держал в руках два апельсина. Третий апельсин лежал перед ним на столе. Увидев нас, он быстро отодвинул апельсины и придвинул к себе большую голубую тетрадь.

Милиционер, который привел меня, положил курицу на маленький столик и молча указал на меня пальцем.

– Что там? – Старший кивнул на сверток.

– Курица, – ответил младший.

– Та-ак, поня-атно... – протянул старший и надолго замолчал.

Чтобы не бояться, я думала о том, как они сейчас будут меня спрашивать и что я буду отвечать. И еще о том, как мне их называть. «Дяденька милиционер» – явно не подходит. Они

же меня на воровстве поймали. Может быть, как в кино – «гражданин начальник»? Тоже что-то не то. Если бы я была мальчишкой, то по их нашивкам сумела бы определить их звания. И это было бы хорошо, потому что милиционеры любят, когда их называют по званию (например, «товарищ майор») и при этом добавляют одну ступеньку. Про это мне рассказывал Сережка Панкратов из старого двора. И я ему верю, потому что он состоит на учете в детской комнате милиции и однажды на спор угнал асфальтовый каток.

Нельзя сказать, что мне было не страшно. Наоборот, очень даже страшно. Но это был другой страх. Не такой, какой бывает, когда разобьешь стекло или в школе чего-нибудь натворишь и ждешь, что за это будет. Тут было по-другому. Не знаю почему. Может быть, потому, что я все-таки не крала эту курицу и на всякий случай знала, что я не виновата и украл ее Васька. Но это вряд ли, потому что милиционер видел курицу у меня и не видел никакого Васьки. А про себя я очень хорошо знала, что никаких «всяких случаев» быть не может и если даже меня сейчас разрежут на куски, я все равно Ваську не выдам. Так что по всему получалось, что именно я эту самую курицу и украла. И бояться должна была, как самый настоящий вор. Но я боялась не так. Получается, что если человек прав, то он все равно боится меньше, даже если никто, кроме него, об этой его правоте не знает и никогда не узнает... Когда я дошла до этой интересной мысли, старший милиционер наконец заговорил.

– Зачем же ты эту курицу стащила? – спросил он усталым и совсем незлым голосом.

– Есть хотела, – нагло соврала я.

– Но ведь ты знаешь, что воровать плохо. Вот, предположим, приходишь ты в магазин...

– Из магазина нельзя, – уверенно сказала я. – А у таких толстых теток можно.

Мне хотелось, чтобы старший милиционер поскорее разозлился. А то когда человек добрый и к тебе по-доброму относится, ему врать ужасно противно. А ведь правду сказать я все равно никак не могла... Но разозлился не старший, а младший милиционер.

– Да чего с ней разговаривать, Петр Алексеевич! – воскликнул он. – Выясняем личность, сообщаем в школу, вызываем родителей. И все дела. А то возмемся с ними, возмемся, а они вон с каких лет – вон какие наглые!

– Подожди, Алеша, не горячись, – попросил старший милиционер. – Я на вокзале не первый год и вижу – что-то тут нечисто. Такие девочки кур не воруют...

Я мотнула головой, выражая свой протест. А младший милиционер задумался и сказал смущенно:

– Вообще-то да, Петр Алексеевич. Дело в том, что тетка... ну, гражданка, у которой курица, сперва мне говорила, что ее, курицу то есть, мальчик украл. Худой и черный...

– А ты этого мальчика видел?

– В том-то и дело, что нет. Мы только вошли в зал – и тут эта, – Алеша указал на меня пальцем, – прямо навстречу. «Вот, – говорит, – ваша курица. Я ее украла».

– Так и сказала? – Старший милиционер взглянул на меня с интересом.

– Да, прямо так и сказала, – подтвердил Алеша.

– Стра-анно, – протянул старший милиционер.

А Алеша сел к столу, подтянул к себе тетрадь и строго взглянул на меня:

– Фамилия? Имя? Отчество? Год рождения?

Я отвечала честно, потому что здесь врать было бессмысленно. Все равно узнают. Потом Алеша звонил куда-то по телефону и просил проверить, действительно ли я проживаю по тому адресу, который назвала. Петр Алексеевич все это время молчал и рассматривал меня. Не так чтобы прямо, но заметно было, что рассматривает. Сначала я думала о том, что интересного он во мне нашел, а потом решила, что это у всех милиционеров привычка такая.

Когда Алеша закончил, Петр Алексеевич повернулся прямо ко мне и сказал:

– Ну, а теперь расскажи честно: откуда к тебе попала эта курица? Я знаю, что ты ее не крала. Скажи, кто и зачем тебе ее передал? Обещаю тебе, что этому мальчику ничего не будет.

Подумай о том, что он-то действительно украл ее оттого, что был голоден... Подумай о том, что это не дело, чтобы кто-то у нас, тем более дети, был голодным. Расскажи все, и мы постараемся все наладить...

– Я ее украла, – упрямо повторила я. Мне очень хотелось рассказать все Петру Алексеевичу, но без согласия Васьки я не могла этого сделать. А вдруг он и правда сумел бы все уладить? Хотя что улаживать-то? Ведь я сама толком ничего не знаю...

– Да какие они голодные, Петр Алексеевич! – с досадой сказал Алеша. – Так, пакостники мелкие, шпана!

– Есть и шпана, – согласился Петр Алексеевич. – А есть и другие. Тот, у кого в подружках эта девочка, скорее всего, из последних.

– Какие другие-то?

– Дети из развалившихся семей, побегушники из детдомов. Они еще не шпана, но если вовремя не спохватиться, вполне могут ею стать.

– Ну, всякие алкаши там, проститутки – это я понимаю, – сказал Алеша. – Это для детишек ад сущий... А из детдомов-то чего бегут? Я понимаю – раньше, до революции, когда в приютах и били, и голод, и другое всякое... А теперь чего? Сытые, одетые, учат, лечат, развлекают... Неужто ж бродягой лучше? Без крыши, без жратвы?

– И из приютов, Алеша, и из наших детских домов бегут от одного и того же. И вовсе не от голода. У Макаренко в коммуне тоже не жирный кусок был. Бегут от бесчеловечности. Понимаешь? Бес-человечность! Это когда есть еда, одежда и всякое другое, но нет – человека. И не только вокруг, но и в тебе самом его никто не видит.

– Но почему? – спросил Алеша и как-то смешно вздернул плечи к ушам.

– Хотел бы я знать... – вздохнул Петр Алексеевич и обернулся ко мне: – Иди!

– Как – иди? – не поняла я.

– Очень просто – иди домой, – повторил он, словно не замечая удивленного взгляда Алеши. – Курицу возьми. И подумай крепко над моими словами... Тебе одной тут не справиться. Даже нам, взрослым... и то... В общем, если что, заходи... И еще, скажи своему другу: воровством прожить нельзя. Когда-нибудь обязательно попадешься...

– Хорошо, спасибо, я передам, – вежливо сказала я и тут же поняла, что выдала себя.

Но Петр Алексеевич как будто бы ничего не заметил. Он снова взял в руки два апельсина, зажал между ними третий и вдруг подбросил его в воздух, перехватил оставшиеся апельсины в одну руку, подбросил, поймал... С минуту он жонглировал апельсинами, а мы с Алешей заворуженно смотрели на него. Потом сказал:

– Лови! – и по одному перебросил апельсины мне.

Алеша молча протянул сверток с курицей. Я зажала его под мышкой и вышла. На душе было так противно, как будто я отобрала у первоклашки деньги на завтрак или заняла в автобусе старушкино место.

Васька стоял в тени, прислонившись спиной к сараю, и курил. Заметив меня, он вздрогнул.

– Успокойся, Васька, все в порядке, – уныло сказала я, показывая курицу.

– Хвост есть? – прошипел Васька.

– Какой хвост? – не поняла я и, обернувшись, осмотрела сзади свои штаны.

– Да не здесь хвост, дура! За тобой хвост!

– Сам ты дурак! – разозлилась я. – Забери свою дурацкую курицу и скажи спасибо, что милиционер добрый попался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.